ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 17.12.2018 | Ян-Вернер Мюллер

Власть улицы

Свобода собраний ограничивается по всему миру. Почему онлайн-протесты их заменить не смогут.

В настоящее время общеизвестно, что многие демократические государства по всему миру находятся под давлением. Но растущие угрозы в адрес особенно важного демократического права практически не получили должного внимания. При помощи различных средств правительства усложняют гражданам свободу собраний и протестов.

Новые ограничения на право собрания зачастую сопровождаются безобидными обоснованиями, такими как «общественная безопасность». В Соединенных Штатах, администрация Трампа заявила о прерогативе по возмещению расходов за уборку после демонстраций, по существу позволив правительству выставить счет протестующим за осуществление своего конституционного права. И в еще более грубой попытке ограничить общественное несогласие, администрация попыталась запретить собрание на 80% тротуаров вокруг Белого дома.

Подобным образом, в Венгрии, премьер-министр Виктор Орбан недавно принял закон, который еще больше усложняет проведение демонстраций вблизи частных домов и национальных памятников, ссылаясь на потенциал протестов «нарушить обычное движение транспортных средств». Власти также хотят запретить демонстрации во время государственных праздников. С расплывчатыми обоснованиями, правительство теперь может сделать уличные демонстрации практически невозможными.

Некоторые, возможно, не думают, что ограничение права на собрание столь же серьезно, как и другие угрозы демократии, не в последнюю очередь узкопартийная фальсификация результатов и подавление избирателей. В конце концов, учитывая кажущиеся безграничными возможности виртуального собрания, доступность физического пространства может казаться менее важной.

На самом деле, протесты на улицах и общественных площадях имеют

важное значение для демократической жизни. Право свободного собрания возникло из королевской петиции о праве. Исторически сложилось так, что оно всегда подвергалось большим предварительным запретам, чем высказывание. Даже во многих хорошо функционирующих демократиях, государственные органы пытаются держать толпу подальше от официальных правительственных зданий.

Например, в США демонстранты не могли собираться вблизи Конгресса до начала 1970-х годов, когда Верховный суд окончательно отверг аргумент о том, что Капитолийский холм был особо достойным местом, заслуживающим укрытия от немытых масс. Тем не менее, по сей день политически активные толпы, как правило изображаются как неконтролируемые банды. В качестве недавнего примера рассмотрим, как Бернард Керик, бывший комиссар полиции Нью-Йорка, обвинил тех, кто протестует против избрания Бретта Кавано в Верховный суд, в препятствовании «упорядоченному функционированию общественных институтов».

Тем не менее, действительно ли так необходимы протесты возле отдельных общественных зданий? Интернет, возможно, не является безусловной демократизирующей силой, о которой многие сначала подумали, но тем не менее он открывает огромные возможности «собрания» и выражения несогласия в режиме онлайн. Рассмотрим, Эмму Гонсалес, ранее неизвестного подростка из Флориды, которая почти за одну ночь «собрала» в два раза больше фолловеров Twitter, чем Национальная стрелковая ассоциация. Следуя красноречивому выжившему в результате резни в Паркеленде, 1,66 млн пользователей Twitter заявили о своей поддержке более строгих правил контроля над оружием и их противостоянии американским оружейным лобби.

Вместе с тем, собрание в физическом пространстве выполняет функции демократии, которую онлайн-активность, какой бы она ни была постоянной или страстной, просто сделать не может. В 2011 году, когда тогдашний представитель США Барни Фрэнк спросил почему, протестующие акции Захвати Уолл Стрит «думают, что один лишь факт нахождения на физическом месте многое решает», возможно правильным ответом было бы: «Фактически, оккупацией общественных мест может достичь очень многого, в зависимости от того, кем являются оккупанты и какова их численность».

Поэтому, демонстранты за гражданские права в США, в 1950-е и 1960-е годы зачастую приводили «значение нашего количества». Многочисленные «массы» граждан, которые были готовы выйти –

часто подвергаясь опасности физического насилия – укрепили веру в дело. Это может звучать слишком просто, но одержимость Трампа сравнительно небольшой толпой на его инаугурации, показывает, что размер по-прежнему имеет значение.

Учитывая распространенность ботов и ферм-троллей, нельзя быть уверенным в том, что в действительности означают цифры в социальных сетях. Более того, в режиме онлайн скопление людей не так видно, как собрание отдельных граждан.

«Значение нашего количества» также применяется в виртуальном пространстве. Но, учитывая распространенность ботов и ферм-троллей, нельзя быть уверенным в том, что в действительности означают цифры в социальных сетях. Более того, в режиме онлайн скопление людей не так видно, как собрание отдельных граждан. Правда, Трамп и другие популисты часто пытаются дискредитировать добросовестные протесты, заявляя, что они заполнены «кризисными актерами» или «проплаченными активистами». Но все эти заявления бездоказательны; и как только протесты достигают определенного масштаба, подобные утверждения, могут стать весьма неубедительными в глазах большинства граждан.

Разумеется, выборы эмпирически демонстрируют поддержку определенным политикам, партиям и даже политике. Но, как правило, выборы не регистрируют интенсивность этой поддержки. Мобилизация на улицах и площадях может послать важный сигнал о приверженности избирателей определенной цели. В то время как количество фолловеров Гонсалес в Twitter впечатляет, что действительно важно, так это то, что более миллиона граждан на самом деле потратили время, энергию и деньги на участие в «Марше за наши жизни», который она и другие студенты организовали в начале этого года.

Принятие участия в митинге может быть опасным в таких странах, как Турция, где демократия уже находится под серьезной угрозой. В физическом пространстве, кто-то рискует собой. И, учитывая мощь и широкое использование современных технологий наблюдения, некоторые также становятся идентифицируемыми для правительства.

Но именно эти опасности делают публичный протест более мощным, чем, скажем, анонимный онлайн-активизм. Объединение в физическом пространстве может создать чувство коллективной силы.

Общение и совместные действия с другими, видимым, взаимодополняющим образом, играют центральную роль в демократическом опыте. Таким образом, наряду с подачей сигнала целей движения для широкой общественности, физические собрания могут оказывать преобразующее воздействие на самих участников.

Наконец, в физическом пространстве, в демонстрации новых политических и социальных возможностей, действие может говорить так же громко, как и слова. Как отметила профессор социолог Зейнеп Туфекчи, сегодня демонстрации и связанный с ними захват территории зачастую привлекают поп-ап публичные библиотеки, чтобы отпраздновать идеи добровольного сотрудничества на основе равенства.

Свобода собрания не сводится к свободе слова или свободе ассоциации. Это особая и мощная форма демократических действий. Те, кто обеспокоен сегодняшними угрозами в адрес демократии, должны обратить внимание на угрозу против физических собраний. Право собрания заслуживает большего внимания – и большей защиты – чем когда-либо.

(c) Project Syndicate

Ян-Вернер Мюллер
Принстон

Ян-Вернер Мюллер (Jan-Werner Müller) - профессор политологии, директор-учредитель Проекта по истории политической мысли в Принстонском университете (США).